

Зоя Копельман

«И помни Создателя своего...»¹

*Жизни мышья
беготня...
Что тревожишь ты
меня?*

А.С. Пушкин

*Я стою на площадке трамвайного
вагона, и у меня нет никакой
уверенности насчет моего
положения в этом мире, в этом
городе... Я никак не могу
оправдать того, что стою на
этой площадке... еду в этом
вагоне...*

Ф. Кафка

Творчество Агнона можно назвать литературным парадоксом: намеренно архаизованный стиль и словарь иврита служат автору для размышлений над вопросами, мучающими человека XX века. Каноны литературных форм рушатся, подобно тому, как рухнули устои бюргерского бытия Центральной Европы (взять хотя «Будденброки» Томаса Манна) и традиционной еврейской общины. Книга «До сих пор»² тоже ускользает от жанрового определения. Это не роман и не новелла, и повествование не имеет сюжета, однако для простоты назову ее повестью.

На первый взгляд, перед нами ни к чему не обязывающие автора записи малозначащих событий и разговоров, в которые был вовлечен герой, галицийский еврей, покинувший Страну Израиля и оказавшийся в Германии в годы первой мировой войны. Следующие ходу времени записки то и дело прерываются всплесками эмоций, воспоминаниями и повторами, превращая текст в прихотливую вязь слов и фраз, где существенное неотличимо от необязательного. Рассказ ведется от первого лица, и многие события в нем совпадают с биографическими обстоятельствами автора. Лишь изредка он заменяет «я» словами «этот

¹ Екклезиаст, 12:1.

² Ш.Й. Агнон. До сих пор. Пер. с иврита Р. Нудельман и А. Фурман. М.: Текст, 2012.

человек», прием, использованный Агноном еще в романе «Гость на одну ночь» (1939).

Агнон любит создавать произведения, которые можно было бы читать на нескольких уровнях смысла, подобно тому – при всем очевидном различии, – как принято читать Тору: *пишат*, *ремез*, *драш*. Здесь *пишат*, или непосредственный смысл написанного, касается перипетий еврея, свободно общающегося как с немцами, так и с братьями по крови, причем находясь в Германии, чужой для него стране, он то и дело сетует на самого себя, по неясной причине покинувшего Страну Израиля. (Галиция, где родился герой, а также автор, в качестве возможного места жительства не обсуждается.) Перед читателем предстает картина жизни евреев Берлина, Лейпцига и расположенного неподалеку городка Гриммы – еврей-патриоты, чьи сыны гибнут на фронтах войны, еврей-дельцы, ищущие случая обогатиться, еврейские интеллектуалы, позабывшие о национальной идее. И рядом череда немцев среднего и более низкого сословия, их привычки и печали. Герой одержим поиском жилья – комнаты с приемлемыми условиями, и это один из сквозных мотивов агноновской прозы³. Бесприютность ведет к вынужденному безделью, так что перед нами своего рода *dangling man*, «человек в подвешенном состоянии», если воспользоваться образом Сола Беллоу.

Ремез, или намек, проявляется в том, что на деле герой ищет смысла в каждой встрече и каждой своей поездке из пункта А в пункт В. Так возникает еще один аспект сходства героя с автором, поскольку Агнон был убежден в том, что Создатель вовлечен в дела нашего мира и еврейское присутствие в мире имеет особый смысл. Эта вера исключает из мировидения Агнона понятие случайности: есть «Тот, Кто ведает причины», – типичное в его творчестве выражение. Муки автобиографического агноновского героя в рассказах «Книги деяний», романа «Гость на одну ночь» и рецензируемого «До сих пор» рождены когнитивным диссонансом между стремлением понять взаимосвязь событий, чтобы следовать верному пути, и сознанием непостижимости персонального и коллективного бытия.⁴ Или, говоря словами рассказчика:

³ См., например, рассказ «С квартиры на квартиру» в Иерусалимском журнале, № 39, 2011: <http://www.antho.net/jr/39/agnon.html>

⁴ См. мою статью: Обида и замешательство верующего еврея (О странных рассказах Ш.Й. Агнона) // Иерусалимский журнал, № 10, 2002, или: <http://tjews.net/zoya-kopelman/articles/obida.html>

Я пытался понять, в чем тут смысл, и не нашел иного объяснения, кроме такого: все действия человека predeterminedены и направлены, с минуты его рождения и до самой смерти. Пойдет человек по какому-нибудь делу и не кончит его – понудят его вернуться на то же место опять, пока он не завершит это дело. А не кончит во второй раз – в третий раз пошлют, и в четвертый, и так далее. (С. 311)

Эта неоспоримая и непостижимая связь Предвечного с втиснутым в рамки дат рождения и смерти человеком отражена и в двойственности названия. С одной стороны, «*Ад гена*» является соединением слов «вечность» (на иврите – *ад*) и «здесь» (на иврите – *гена*⁵), а с другой – просто означает: «по сию пору и по се место». Двоящееся название – тоже характерный прием Агнона, подобно названию рассказа «*Паним ахерот*», справедливо переведенному Натаном Файнгольдом как «Иной облик». Но те же слова означают также «иной аспект» известной мишны о «человеке, который развелся с женой и переночевал с нею на постоялом дворе» (Гитин, 8:9), поскольку Аггон предлагает тут свой вариант развития событий, какого в этой мишне нет. И тут мы выходим на следующий уровень толкования текста – *драш*, в нашем случае диалектически соединяющий аллегорию и символ.

Причиной некоторых перемещений героя послужило письмо вдовы доктора Леви, которая вызвала его с намерением посоветоваться о судьбе многочисленных еврейских книг, оставшихся в доме по смерти мужа. О самом д-ре Леви известно немного: он, к неудовольствию прочих немецких евреев, всячески подчеркивал свое еврейство и внушал людям идеи сионизма. Зато с его вдовой случаются странные вещи: когда герой приезжает, она оказывается в больнице, и из-за тяжелого состояния даже не узнает его. Когда через день-другой ей становится лучше, она не может припомнить, что писала ему и что уже имела с ним беседу. Более того, смутные воспоминания о недавнем посетителе подсказывают ей, что ее пытался надуть и выманить книги мужа какой-то проходимец, а герой даже не пытается ее переубедить. Короче говоря, цель поездки оказалась не выполненной, а состояние больной было объявлено безнадежным. Но спустя неопределенное время произошло чудо: больная поднялась со смертного ложа и

⁵ Ср.: «и теперь поклянись мне здесь [*гена*] Богом...» (Берешит / Бытие, 21:23)

вернулась к активной жизни. Более того, она решила отослать мужнину библиотеку нашему герою, который тем временем вернулся в Страну Израиля и уже успел построить себе в Тальпите дом (в точности, как автор), так что забота о крыше над головой наконец отпала. И в этом доме лишь одну комнату он отвел себе, а остальные предназначил для книг д-ра Леви, поскольку незадолго до переезда в Страну получил письмо от вдовы, уведомлявшей о намерении переехать туда тоже и не знающей, куда девать книги.

Произведение было закончено осенью 1951 года, когда во всем мире евреи бились над вопросом о вере после Катастрофы, а юный Израиль принял невиданные по численности потоки иммигрантов из Европы и стран Арабского Востока. Один из переживших Катастрофу хасидов по прошествии многих лет сказал: «Самым большим чудом в XX веке было то, что после всего мы не утратили веру»⁶. Для Агнона к этому чуду несомненно добавилось чудо возникновения Государства и собирания рассеянных. Писатель, вернувшийся в лоно религии еще в 20-е годы (правда, он никогда по-настоящему его не покидал), не может не размышлять об отношении к религиозной традиции «после Освенцима». Вдова д-ра Леви отчасти выступает в роли народа, оставшегося без Бога в период «сокрытия Лица» (я опираюсь на аллегория мистического брака между Всевышним и его «супругой», народом Израиля – «*кнесет Исраэль*»). Этот народ, казалось бы, обречен – он вот-вот исчезнет. Но чудо – вопреки науке и логике он воскресает и обращается к деятельной жизни. И где место этой жизни? Где Бог вновь соединится со Своими евреями посредством Своих книг? На земле Страны Израиля, отвечает Агنون, ведущий свой род из колена Леви⁷, т.е. от тех, кому было вверено Служение. Агنون, как и д-р Леви, «*делает души для сионизма*» (не зря писатель заимствовал слова, которыми Тора (Берешит / Бытие, 12:5) характеризует воспитательную деятельность Авраама и Сарай, проповедующих монотеизм). Здесь, в Стране Израиля, куда Агنون вернулся в 1924 году после многих постигших его в Германии злоключений и которую восславил в речах д-ра Ицхака Миттеля (см. гл. 13), одного из персонажей обсуждаемой книги, евреи реализуют то славное будущее и создадут то справедливое общество, ради которых их избрал Всевышний.

⁶ См. Я. Элиах. Бог здесь больше не живет (Хасидские истории эпохи Катастрофы). Пер. В. Барац. М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2005. Задняя обложка.

⁷ См. Ш.Й. Агنون. Нобелевская речь. В кн.: Ш.Й. Агنون. Новеллы. М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2003. С. 10.

Для обоснования моей неочевидной интерпретации использую предложенную писателем игру: взять три ивритских согласных, принять их за корневую основу слов и рассмотреть их значения, потом поменять порядок букв и вновь посмотреть на полученные смыслы, и т.д. Герой книги «До сих пор» проделывает это с корнем «б-к-р», а я предлагаю проделать то же с корнем «х-б-ш». Исходным станет слово «*тахбошет*» (все буквы, кроме трех выделенных, – флексии), означающее «повязка на ране» (в переводе – *бинты*). Оно встречается в последней главе, где описано чудесное выздоровление вдовы д-ра Леви:

...в один прекрасный день она вдруг почувствовала, что те бинты, которыми ее обмотали врачи, что они ей мешают, и попросила их немного расслабить. Врачи испугались и сказали: упаси боже, всякое послабление, даже самое маломальское послабление, это смертельная угроза в ее состоянии. И не только не ослабили, но, напротив, затянули ее еще сильнее. Но бинты ей мешали, они не давали ей дышать. И тогда она засунула туда палец, немного их расслабить. А когда она засунула туда палец, они отклеились. А когда они отклеились, ей стало немного легче. Тогда она принялась отклеивать их дальше, пока не отклеила все. А когда она сняла с себя все бинты, силы ее тотчас воспряли... (С. 321)

Это описание бедной вдовы, как я полагаю, аллегорического образа народа Израиля, заставляет вспомнить слова пророка Исаяи (1:4-6): «Горе тебе, [еврейский] народ грешный, народ, обремененный беззакониями... Оставили Господа, глумились⁸ над Святым Израилевым... Куда вас еще бить?.. От подошвы ноги до головы нет на нем здорового места: раны и синяки и свежие язвы... не перевязанные («*х-б-ш*»)). Далее пророк говорит об опустошениях еврейских городов и земель и о том, что лишь небольшой остаток народа выжил, и от имени Бога призывает обратиться к жизни по Горе.

Но вернусь к повести: наши бедствия, раны и повязки – а в повести это страдания, причиненные первой мировой войной, –

⁸ Слово «*наацу*», переведенное мною как «глумились», состоит из тех же корневых букв, что и основа слова «нацист»: «нун-алеф-цади». Агнон всегда пользуется этим словом для описания деяний нацистов по отношению к евреям, т.е. применяет его не к нам, а к нашим врагам.; см., напр., рассказ «А-Симан» («Помета на память») и роман «Шира».

заставляют нас, евреев думать (корень «х-ш-б», тот же, что и в ивритском слове «махшавот», т.е. «мысли», лейтмотиве книги «До сих пор»), терзаться вопросами и сомнениями. А ответ, по Агнону, дают наши древние книги, предсказавшие беды и указавшие пусть к спасению и возрождению – возвращение к Богу. Свою любовь и благодарность Всевышнему евреи выражают в *славословиях* – на иврите «шевах»: (корень «ш-б-х»). Оттого и заканчивается повествование цитатой из благодарственного гимна «Дыхание всего живущего благословляет Имя Твое», которым завершается Пасхальный Седер, история нашего Исхода, нашего национального Спасения, начало создания еврейского государства на своей земле:

*«До сих пор милосердие Твое помогало нам,
и милость Твоя не покидала нас,
не оставь же нас, Господи Боже, и впредь во веки».*

Первые слова этого гимна дали название произведению: «До сих пор». Агнон заканчивает его этими тремя строками, тогда как интересующее меня слово «шевах» («восхваление») осталось за пределами цитаты. Это – излюбленный способ писателя: процитировать источник так, чтобы нужное для разгадки смысла слово не попало в текст его произведения, а было найдено читателем в контексте, из которого вынута цитата. И еще: Агнон не был бы Агноном, если бы цитируя: «не оставь же нас, Господи», не подразумевал также: «да не оставим же мы тебя, Господи». Таков смысл этой книги, который я сопоставила с уровнем *драш* традиционного комментария.

А вот как характеризует Агнона Амос Оз, не только писатель, но и профессор ивритской литературы Университета им. Д. Бен-Гуриона. Обсуждая слово «адонит», т.е. «госпожа», в названии рассказа «Госпожа и коробейник» Оз пишет:

Агнон произвел свое слово от ивритского «адон» (т.е. «господин», так называют только мужчин), прибавив к нему окончание женского рода – так получилось у него «адонит». <...> Кроме Агнона, я никогда не встречал ни одного человека, который употреблял бы это слово в том же смысле, что и Агнон. Впрочем, может, и Агнон, употребляя его, не имел в виду просто «госпожу», а подразумевал нечто иное. Трудно сказать...

Ведь он был человеком с тремя и даже более тенями.⁹

Агнон, хасид по отцу, ввел в повесть образ галицийского хасида Альтера Липы Бидера и вложил ему в уста такие слова:

Говорят, чудеса можно сотворить только словами, ничем, мол, другим их не сотворишь, а вот видишь – хасидам просто подумать достаточно, в уме или в сердце, и они одним этим могут весь мир перевернуть. А слова они утруждают себя произнести только для того, чтобы их чудеса выглядели, как что-то самое обыкновенное. (С. 288)

Таков и Агнон: он мечтает изменить жизнь дорогих ему евреев – помыслом и письмом.

* * *

Теперь о переводе. Радость от встречи с настоящим переводом охватывает читателя, полюбившего Агнона в подлиннике и оттого особенно ревниво воспринимающего попытки передать его по-русски. Тут с первой же страницы узнаваешь напев агноновской прозы, например так:

С легким сердцем и пустыми руками... (С. 89)

...мне остается возложить надежды на время, ибо со временем все кончается из-за усталости. Вот я и говорю себе: либо солдат устанет, либо его протез устанет, либо я со своими размышлениями устану. А тем временем время берет себе временную передышку – стоит на месте и никуда не торопится, словно оно само устало. (С. 202)

Обедая пополудни со знакомыми, я рассказал им эту историю. Смешливые посмеялись, жалостливые выразили сочувствие, а разумные дали мне совет – сменить квартиру. (С. 246-247)

...в те времена дом этот украшал свое место, а теперь, наполовину развалившийся, он свое место уродовал. (С. 278)

⁹ А. Оз. Повесть о любви и тьме. Пер. В. Радуцкого. Идиот ахронот, 2005. С. 125.

Рафаил Нудельман и Алла Фурман с честью выдержали труднейшее испытание – нашли способ передать по-русски с уместным привлечением слов и букв иврита и опущением ряда библейских цитат медитацию героя над вариативностью ивритских корней (см. с. 49–51), о которой я писала выше.

Перевод, повторюсь, завораживает ритмическим и стилистическим сходством с подлинником. Но где-то к 70-й странице к верному тону стали примешиваться фальшивые звуки, и на 72-й я обреченно потянулась к ивриту. Слух меня на подвел. Тут переводчики, заслуженно прославившиеся переводами романов Меира Шалева, решили и Агнону добавить недостающей цветистости и словно раскрасили скупой черно-белый текст цветными карандашами. Так появились слова, которых у Агнона попросту нет и которые ему в принципе не свойственны (я заключила их в угловые скобки, а в круглых дала номер страницы), например:

Постепенно и он начал вести себя, как обычный человек, <оттаял> и стал рассказывать мне о себе <и своих злоключениях>. (С. 72)

Я сказал: "Как же так? Ведь <не исключено, что> завтра эти же немцы или их сыновья сами окажутся военнопленными <в русском плену> ... (С. 73)

Она <бросилась> (на иврите: встала и пошла) на кухню, но по дороге вспомнила, что хотела меня о чем-то спросить, и вернулась ко мне, но, не успев спросить, <хлопотливо побежала обратно> (на иврите: снова пошла) на кухню, <поскорее> принести мне что-нибудь поесть. (С. 75)

В последнем предложении беспорядочные перемещения родственницы (которую, кстати, переводчики задолго до автора называют по имени), отражают как в капле важнейшую в «До сих пор» и в рассказах «Книги деяний» мысль о том, что нам в принципе не дано задумать что-то и без помех осуществить, даже зауряднейшее намерение пойти на кухню и собрать для гостя ужин. Но в переводе универсальная трагическая обреченность превратилась в бытовую тривиальность: хлопотливая одинокая женщине, мужа и сына которой

давно забрали на войну, неожиданно получила возможность снова окружить кого-то заботой.

То же и в продолжении эпизода. По-русски читаем: «*Наутро я вернулся к ней, как и обещал вчера. Увидев меня, она так обрадовалась, будто не ожидала, что я появлюсь еще раз, хотя накануне я поклялся, что приду*» (С. 77). А на иврите сказано: «Наутро я вернулся к ней. Увидев меня, она изумилась, несмотря на то, что накануне вечером я обещал ей вернуться, – изумилась, что я вернулся». Эти две скупые фразы, выделенные Агноном в отдельный абзац (а деление перевода на абзацы лишь в половине случаев соответствует подлиннику), и дважды повторенное «изумилась» выражают ту же отмеченную мною мысль¹⁰, на сей раз как жизненный опыт этой женщины, и возможно являются вариацией на тему известного комментария Раши к стиху: «И сказал: Я опять буду у тебя в это же время [через год], и будет сын у Сары, жены твоей...» (Берешит / Бытие, 18:10). Раши спрашивает: Как мы знаем, что говоривший был ангелом? – И сам же отвечает: Оттого что человек не может быть уверен, что по прошествии времени окажется в определенном месте. Переводчики Агнона тут переставили акценты, ввели иную эмоцию, и вместо экзистенциальной проблемы мы получили чувствительную родственницу рассказчика.

По счастью, такие вольности, которые порой становятся недопустимой отсебятиной, редки. И тем не менее отмечу то, с чем особенно трудно мириться:

На столе... открытая книга сказок Льва Толстого в новом немецком переводе. На книге <великого пацифиста> лежал гипсовый макет новой немецкой <смертоносной> пушки, который Бригитта положила сверху, чтобы ветер не трепал страницы. (С. 71-72)

Я не убеждена, что Агнон упомянул тут Толстого именно в качестве пацифиста; возможно, просто вспомнил, что тогда, в Германии, лежа в больнице впервые читал этого автора в немецком переводе.

Есть и ошибки, связанные с тем, что переводчики недостаточно знакомы с традиционными книгами и понятиями. Они, правда, проделали большую работу и составили примечания, касающиеся, в

¹⁰ По-русски выраженная поговоркой: человек предполагает, а Бог располагает.

частности, библейских цитат. Но кое-что пропустили, особенно то, что связано с Мишной. А вот смешная ошибка:

Эрих Вальтер Танцман... Широкое лицо, широкое тело и широкое брюхо, а что касается сердечной широты – это вопрос к кардиологоу. (С. 192)

Увы, Агнон и не думал о кардиологе! Он воспользовался традиционным клише «*Бохэн лев*», указывающим на Бога и восходящим к словам пророка Иеремии (11:20): «Но, Господи Бог Воинств, Судия праведный, испытующий сердца и утробы!» Я уж не говорю о таких подвохах, как идиома «*коль шени ве-хамиши*», которая не означает «каждый понедельник и четверг», а просто «часто и регулярно». Или как словосочетание «*враги Израиля*», которое Агнон в негативном контексте применяет, согласно восходящей еще к талмудической литературе традиции, для обозначения евреев, например: «...щепки разгораются так медленно, что пока огонь займется, все враги наши (надо: евреи) могут умереть от голода...» (75). Это простительно.

В целом я с радостью рекомендую книгу читателю: и книга замечательная, и перевод достойный.